

ББК 81.18

УДК 81'42

Событие во внутреннем мире текста: проблема варьирования при переводе (на материале текста рассказа В.М. Шукшина «Степкина любовь» и его англоязычного перевода “Stepan in Love”)

Е.В. Демидова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Event in an Inner World of the Text: a Variation Problem in Translation (at the Material of the Text of V.M. Shukshin Story “Stepka’s Love” and Its English Translation “Stepan in Love”)

E.V. Demidova

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье рассматривается роль «человека говорящего» в варьировании вторичной коммуникативной реальности на примере обозначения события. Исследование осуществляется в контексте учения о «человеке говорящем» (HL) как объекте современной филологии на материале текста рассказа В.М. Шукшина и его англоязычного перевода. В создании переводного художественного текста участвуют автор и переводчик, который, являясь синкретичной фигурой, привносит свои смыслы. В процессе «бытования» текста перевода в мире текстов Homo loquens репрезентируется в трех фигурах: автор, переводчик и читатель. В новой коммуникативной реальности появляются свои категории, субъекты, объекты и события, заданные «лингвистической оболочкой» текста. В частности в тексте рассказа В.М. Шукшина «Степкина любовь» событие ‘любовь’ обозначается лингвистически с помощью дуады «нет/да». Авторское понимание события ‘любовь’ — это не процесс (знакомство — дружба — симпатия — любовь — брак), а одномоментный переход от «ничего» к сватовству. В тексте перевода этого рассказа данная лингвистическая дуада отсутствует, следовательно, четкие границы события нивелируются, то есть меняется эстетическое наполнение внутреннего мира текста рассказа.

Ключевые слова: внутренний мир текста, событие, В.М. Шукшин, варьирование, перевод.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.1-21

Проблема варьирования внутреннего мира художественного текста решается в контексте фундаментальной проблемы Homo Loquens как объекта современной филологии [1]. Homo Loquens — «человек, участвующий в речевой коммуникации» [2, с. 146].

The article considers the role of the “speaking person” in variation of secondary communicative reality at the example of event nominations. The research is based on the study about the “speaking person” (HL) as an object of contemporary philology at the material of the text of Shukshin’s story and its English translation. The author and the translator participate in creation of the translated art text, and a translator as a syncretical figure introduces new meanings. In the process of text of translation life there are three representations of Homo loquens — the author, the translator and the reader. In new communicative reality there are new categories, subjects, objects and events that are made by “linguistic cover” of the text. In particular, in the text of V.M. Shukshin’s story “Stepan in Love” the event ‘love’ is provided by means of dual pair “no/yes”. The author’s understanding of the event ‘love’ is not a process (acquaintance — friendship — sympathy — love — marriage), but a one-stage transition from “nothing” to a proposal. There is not this linguistic dual pair in the text of translation so the borders of the event are not clear. Thus the aesthetical meaning of the inner world of the text is changed.

Key words: inner world of the text, event, V.M. Shukshin, variation, translation.

В статье рассматривается переводческая коммуникация, в которой участвуют две репрезентации Homo loquens — автор и переводчик. В процессе «жизни» текста перевода в мире текстов участвуют уже три фигуры Homo loquens — автор, переводчик и читатель,

при этом «человек говорящий» меняет конструкцию внутреннего мира текста.

Цель данной работы — продемонстрировать действие фактора личности переводчика как фактора варьирования внутреннего мира текста на примере одного компонента — события. Исследование осуществляется в русле филологической теории коммуникации [3, 4].

Под внутренним миром текста понимается художественная реальность [5, 6] в ее текстовом воплощении, т.е. индивидуальное, творческое переосмысление действительности (явлений, объектов, отношений, событий), воссозданной автором средствами языка и «вычитываемой» из текста воспринимающими субъектами [7]. Внутренний мир текста включает в себя компоненты: обозначения событий, ситуаций, пространственно-временных отношений, персонажей, «вещей» [8].

В тексте мы имеем дело с номинациями компонентов художественной реальности, созданными различными равноуровневыми лингвистическими средствами и текстовыми единицами. При художественном переводе варьированию подвергаются все компоненты, поскольку меняется их лингвистическое воплощение.

Художественное событие (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, И.Я. Чернухина и др.) — это компонент внутреннего мира текста, под которым, по И.Я. Чернухиной, понимается «продукт творчества автора, эстетический способ речевого воплощения фактов общественной и личной жизни человека, а также фактов существования природы в <...> тексте» [9, с. 38].

События в тексте имеют «лингвистическую» оболочку — описание события, т.е. «художественная реальность возникает на базе той реальности, которая передается языковыми знаками» [10, с. 156].

Художественно-эстетическое событие «характеризуется спонтанностью, вероятностью, внезапностью» [11, с. 176].

Мы рассмотрим проблему варьирования события на материале текста рассказа В.М. Шукшина «Степкина любовь» [12] и его англоязычного перевода “Stepan in Love”, выполненного переводчиком Робертом Даглишем (сборник “Short Stories” 1990 г.) [13].

В центре рассказа «Степкина любовь» два события — влюбленность сельского шофера Степана в городскую девушку Элли, работающую учетчицей в селе, и предложение руки и сердца.

Событие ‘любовь’ в рассказе имеет четкое временное начало — «в апреле»:

Весной, в апреле, Степан Емельянов влюбился. / В целищицу Эллочку [12, с. 47].

В.М. Шукшин — мастер короткого рассказа и емкого, объемного, глубокого слова [14]. Стиль Шукшина — короткие, разорванные предложения.

Такая членимость предложений является в том числе средством «эстетического изображения» события.

В тексте английского перевода это средство сохраняется, но с искажением номинации персонажа, при этом меняется четкость и «наглядность» события:

One spring day, in April, Stepan Yemelyanov fell in love. / With Ellochka, a girl who had come out to Siberia on the virgin lands scheme. [13, p. 26] («В один весенний день, в апреле, Степан Емельянов влюбился. / В Эллочку, девушку, которая приехала в Сибирь по схеме девственных земель».)

Объяснительный перевод номинации «целищица», который использует переводчик Даглиш, позволяет понять читателям в другой культурной среде культурно-специфическую лексему, однако приводит к потере эстетического эффекта — исчезает краткость и емкость обозначения персонажа и события.

Событие «любовь» Шукшин обозначает художественными средствами — резким переходом от «ничего» к «сам не свой», «серьезная, черная тоска», «хочу жениться». В тексте рассказа «любовь-событие» — это не процесс (первая встреча → симпатия → дружба → влюбленность → ухаживания → предложение → свадьба), это внезапный факт личной жизни персонажа Степки (две встречи → сватовство). Коммуникативно-эстетическим сигналом события в тексте оригинала является ‘ничего’, который повторяется трижды:

1) *Он видел ее всего два раза. / Один раз подвез из города до деревни — ничего. / Сидели рядом и молчали.* [12, с. 47]

He had seen her only twice. / The first time was when he had given her a lift from town to the village. / Nothing special, he had thought at the time. / They didn't exchange a word. [13, p. 26] («Он видел ее только дважды. / Первый раз — когда он подвозил ее из города в деревню. / Ничего особенного, он подумал в то время. / Они не обменялись ни словом».)

Емкий и глубокий смысл имеет данный эстетический сигнал в тексте оригинала: ‘ничего не было’ = ‘не было любви’ в душе Степана, когда он подвозил Элли, и они сидели рядом. В тексте перевода этот сигнал варьируется — заменяется переводчиком на рефлексии персонажа «подумал — ничего особенного».

2) *А Степан — ничего, даже не смотрел на девушку. Насвистывал себе «Амурские волны» и думал об аккумуляторе (у него аккумулятор сел).* [12, с. 47]

Stepan couldn't have cared less. He didn't even look at the girl, just whistled Amur Waves to himself and thought about his battery (it was flat) [13, p. 26] («Степану было все равно. / Он даже не смотрел на девушку, просто свистел «Волны Амура» себе и думал о своей батарее (она была разряжена)».)

Как видно из приведенного примера, коммуникативный сигнал «ничего» повторяется в тексте ориги-

нала, усиливая смысл отсутствия события: в голове персонажа автомобильные заботы.

В тексте перевода переводчик снова дает свою интерпретацию сигнала 'ничего' — «ему было все равно». В тексте перевода вместо авторского 'ничего' (многослойный, многозначный сигнал, за которым стоит авторское видение события) присутствует переводческое «разъяснение» этого сигнала — «подумал», «ему было все равно».

3) — *А что?*

— *Ничего.* — *Степан «кинул» скорость, газанул и уехал.* [12, с. 47]

“What’s wrong?”

“Never mind. — *Stepan whammed into gear, put his foot down and drove off”.* [13, p. 26] («Не берите в голову»)

Повторяемый в третий раз сигнал «ничего» превращает его в художественный прием. Отсутствие сигнала в тексте перевода приводит к потере эстетического эффекта. Язык перевода — его грамматические особенности — не позволяет сохранить этот прием при переводе, однако переводчик мог бы заменить его сочетанием, эквивалентным по смыслу исходному средству (например, *nothing of note*), и использовать тождественно во всех трех случаях.

Событие связано с «описанием различных действий субъекта и объекта в определенном пространстве и времени» [9, с. 186]. «Ничего» = «ничего не говорить» — это особенность характера персонажа, которая определяет «событийность» рассказа. Степан «боялся на девушку глаза поднять»: он ничего не говорит о своих чувствах, не показывает их, переживая все внутри.

— *Чего это ты?* — *спросил его отец.*

— *Так...* — *Степан задавил сапогом окурки и снова полез за папиросами, а сам смотрел в сторону.* [12, с. 48]

“What’s the matter, boy?” his father asked.

“Nothing...” [13, p. 29] («Ничего».)

‘Так’ — это также многослойный коммуникативный сигнал, он не равен «ничего», за ним стоит смысл «наличия» события — любви. Переводчик воспроизводит сигнал иначе — отрицательным “nothing”. ‘Ничего’ не равно ‘так’.

— *Ты с ней знакомый?*

— *Та-а...* — *Степан засмеялся.* — *Нет.* [12, с. 48]

В данном примере сигнал ‘нет’, кроме прямого, имеет и противоположный, подтекстовый смысл: «они формально не знакомы, но он ее любит, и он точно это знает».

“D’you know her at all?”

“Yes...” Stepan hesitated. “Well, er... no.” [13, p. 29] (Да... Степан сомневался. Хорошо, эээ.. нет.)

Из-за смешения утверждения и отрицания в тексте перевода теряется подтекстовый двойной смысл.

Во внутреннем мире текста перевода персонаж «сомневается».

Лингвистическое средство «нет», «ничего» дуально в рассказе: в характере персонажа Степки «нет» многословия, фальши, нет «ничего» неопределенного, как у его соперника Васьки Семенова, а есть «настоящее чувство». Это «ничего» и выбирает Эллочка в конце рассказа.

Никто бы не смог объяснить, что такое родилось вдруг между ними и почему родилось. Это понимали только они двое. Да и то не понимали. Чувствовали. [12, с. 51]

No one could have explained what it was that had been born between them at that moment, or why it was born. Only they understood that, or rather felt it. [13, p. 33] («Только они понимали это, или точнее чувствовали это».)

Во внутреннем мире текста оригинала лингвистическим сигналом события ‘любовь’, ‘они вместе’ является «отрицание = утверждение». В тексте перевода отсутствует данный художественный прием.

В конце рассказа подтверждение события выражено Степаном лексически — «да», хотя на протяжении всего рассказа событие не названо, только в заглавии:

— *Я считаю, что да,* — *тоже громко сказал Степан.* [12, с. 42]

“Perhaps you should.” Stepan also spoke loudly [13, p. 33] («Возможно тебе следует, Степан сказал громко».)

Только когда внутреннее объяснение произошло, Степан вербализует событие с помощью утверждения «да».

Таким образом, при переводе происходит варьирование события: вместо резкого перехода от ‘ничего’ при первой встрече к ‘так’, означающему «потемнело в глазах», «ничего не ел», «черная тоска», и потом ‘да’, во внутреннем мире текста перевода событие имеет другое художественное воплощение: «ничего особенного», «ему было все равно», «не бери в голову», «да», «нет», «возможно да» и т.д. В тексте рассказа В.М Шукшина «Степкина любовь» событие ‘любовь’ обозначается лингвистически с помощью дуады «нет/да». Авторское понимание события ‘любовь’ — это не процесс, а резкий, одномоментный переход от «ничего» к сватовству. В тексте перевода рассказа данная лингвистическая дуада отсутствует, четкие границы события нивелируются. Переводчик, порождая новые смыслы, конструирует свою вторичную коммуникативную реальность, в которой появляются свои номинации действий, составляющих события, заданные «лингвистической оболочкой» текста. Рассмотренные тексты, находясь в коммуникативном пространстве, в общем мире текстов, «живут», взаимодействуют и выступают импульсами для ответного понимания другими «людьми говорящими», то есть для формирования новых вторичных реальностей.

Библиографический список

1. Кощей Л.А., Чувакин А.А. Homo Loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Филология и человек. — 2006. — №1.
2. Чувакин А.А. Основы филологии. — М., 2011.
3. Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации : статья первая // Филология и человек. — 2011. — №4.
4. Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации : статья вторая // Филология и человек. — 2012. — №4.
5. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. — 1968. — №8.
6. Хализев В. Е. Мир произведения // Теория литературы : учеб. пособие. — М., 2002.
7. Демидова Е.В. Варьирование внутреннего мира художественного текста: роль личности переводчика // Вестник Волгоград. гос. ун-та. — Сер. 2. Языкознание. — 2011. — №1 (13).
8. Демидова Е.В. Художественная вещь во внутреннем мире текста оригинала и текстов переводов // Вестник Удмурт. гос. ун-та. Сер. История и филология. — 2011. — Вып. 2.
9. Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста. — Воронеж, 1987.
10. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста : учеб. пособ. — М., 2009.
11. Курдин А.Г. Художественное произведение и эстетическое событие // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Философия. Филология. — 2008. — №1.
12. Шукшин В.М. Степкина любовь // Шукшин В.М. Полное собрание рассказов в одном томе. — М. 2012.
13. Shukshin V. Stepan in Love // Shukshin V.M. Short stories. — М., 1990.
14. Козлова С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина. — Барнаул, 1992.